

Этот год выдался особенным для празднования Фестиваля лодок-драконов в деревне Люси: на этот раз он совпал с восьмидесятилетним юбилеем матери деревенского старосты.

Староста уже много лет управлял деревней, заботясь о делах как больших, так и малых. Он пользовался уважением и поддержкой жителей, которые безоговорочно ему доверяли. Обычно, чтобы не создавать никому хлопот, он не устраивал пышных праздников на дни рождения своей матери. Но восьмидесятилетие — возраст почтенный, и староста вместе со своим супругом начал готовиться к этому событию более чем за полмесяца.

Еще в прошлый раз, когда в дом к Цю Хэняню забрались воры, староста и его два сына оказали немалую помощь. Хоть Цю Хэнянь и отблагодарил их обедом, это все равно казалось ничтожным по сравнению с одолженной им поддержкой. Поэтому, когда в доме старосты начали приготовления к торжеству, Цю Хэнянь с Цин Янем почти каждый день приходили к ним, помогая чем могли.

В сам день празднования обед был запланирован на полдень. Цин Янь и Цю Хэнянь явились к старосте еще с утра. Готовились к празднику с размахом, напоминая недавнюю свадьбу Лю Цая: половина деревни одолжила столы и стулья.

Мужчины таскали мебель, обжигали щетину свиней, ощипывали кур и уток. Женщины и геры занимались готовкой, накрывали на столы, украшали зал для юбиляра, развешивали поздравительные картины и парные надписи. При этом всем приходилось отвлекаться, чтобы утихомирить то одного, то другого расплакавшегося ребенка.

Сегодня сюда пришел и Шэнь Вэнь. Цин Янь позвал его вместе с ними чистить овощи.

Тетя Ли, посмотрев на Шэнь Вэня, улыбнулась и заметила:

— Ты, Вэнь, с каждым годом все моложе выглядишь! Сейчас тебе и не дашь больше двадцати семи или двадцати восьми.

Шэнь Вэнь скромно улыбнулся и ответил:

— Тетушка, смеетесь надо мной.

Сидя вместе, они совмещали работу с разговором. В это время с другой стороны двора раздался громкий голос мужчины, обе руки которого были перепачканы куриным пухом:

— Вода для куриных перьев вся помутнела, кто меняет?!

Цин Янь, заметив, что людей за чисткой овощей достаточно, отозвался:

— Я поменяю.

Увидев, что к нему направляется Цин Янь, мужчина вдруг покраснел, хотел было почесать затылок, но, взглянув на свои грязные руки, замер в неловкости, не зная, куда их деть.

Цин Янь же ничего не заметил. Закатав рукава, он поднял стоявший на земле таз с водой, от которого все еще шел пар. Вода в тазу была наполнена выщипанными куриными перьями, а запах от нее шел, прямо сказать, не из приятных.

На этот день Цин Янь оделся просто: он надел серую хлопковую одежду и поверх нее — цветной фартук из дома старосты. С тазом в руках он направился к воротам.

Калитка была приоткрыта, а у дороги неподалеку стояла запряженная повозка. Кто-то, опираясь на руку возницы, как раз выходил из нее. Вероятно, это был приглашенный на праздник гость. Цин Янь остановился в стороне, чтобы пропустить человека, только что сошедшего с повозки. Тот двигался неспешно, но вдруг, словно случайно, повернул голову и бросил на него взгляд. В ту же секунду его шаги замерли.

На вид этому гостю было не больше двадцати лет. Он носил кожаные высокие сапоги с мягкой подошвой, а их верхние края украшали шелковые завязки. Шелковый же халат, слегка покачиваясь, обвивал ноги, когда легкий ветерок тронул его полы.

Неизвестно почему, но увидев эту сцену, Цин Янь почувствовал, как его сердце пропустило удар, а по телу пробежала волна тревоги, будто предчувствие чего-то зловещего.

Этот человек остановился перед ним слишком надолго, и Цин Яню пришлось поднять взгляд. В ту же секунду он едва не выронил таз с водой.

Перед ним стоял молодой мужчина с потрясающе красивым лицом. Его брови взлетали к вискам, глаза — удлинненные, с высоко вздернутыми уголками, нос — тонкий и изящный, словно вырезанный из камня, а губы — полные, насыщенно-красные, с формой, напоминающей изображения Будды.

Это было самое красивое лицо, которое Цин Янь видел в этом мире, но одновременно — самое ужасное для него, словно воплощение ночного кошмара. Этот человек был не кто иной, как Ян Хуай — тот самый бесчестный любовник, с которым был связан прежний владелец его тела.

Когда Цин Янь взглянул на него, Ян Хуай тоже смотрел прямо на него. В момент, когда таз в руках Цин Яня едва не выскользнул, Ян Хуай быстро протянул свои белые руки с тонкими пальцами, и кончики его пальцев легко коснулись края таза, поддерживая его. Цин Янь тут же использовал эту помощь, чтобы крепче ухватиться за таз, предотвратив его падение.

Цин Янь опустил взгляд и тихо поблагодарил:

— Спасибо.

Ян Хуай с улыбкой отозвался, убрал руку и взял у стоящего рядом слуги шелковый платок, чтобы вытереть пальцы.

— Не за что, — сказал он с легкой усмешкой и, не задерживаясь, направился во двор, сопровождаемый своим слугой.

Все это заняло не больше минуты, и никто из остальных гостей не обратил внимания на случившееся. Но для Цин Яня эти мгновения растянулись в вечность. Его сердце бешено билось, а тело казалось скованным льдом. Он с трудом вышел из двора, чтобы вылить воду, и краем уха услышал, как староста с энтузиазмом приветствовал гостя:

— Я же говорил, не обязательно приходить, а ты все равно явился. Такая дальняя дорога, зачем было себя утруждать?

Ян Хуай весело рассмеялся:

— Какая же это дальняя дорога? На карете чуть больше часа, а уж на восьмидесятилетие моей двоюродной бабушки я точно не мог не приехать, даже если пришлось бы ехать несколько дней!

Во дворе царила оживленная атмосфера, но сердце Цин Яня продолжало падать в бездну.

Когда он только попал в этот мир, он однажды уже видел Ян Хуая — у ворот своего дома. Позже он пытался узнать, зачем тот приходил в деревню Люси, но местные ничего не знали.

Теперь, столкнувшись с ним вновь, Цин Янь внезапно осознал: Ян Хуай был дальним родственником семьи старосты. Но в памяти прежнего хозяина тела не было ни единого упоминания об этом факте. Более того, по воспоминаниям, их знакомство произошло случайно, на рынке в уездном городе, и до этого Ян Хуай никогда не появлялся в деревне.

Цин Янь вновь почувствовал себя персонажем книги, связанной жестким сюжетом. В мелочах он мог действовать свободно, но стоило столкнуться с ключевыми событиями, как он оказывался в ловушке, от которой не мог уклониться, как ни старался.

Ян Хуай был его роком — тем, кто вместе с прежним хозяином тела подтолкнул Цю Хэня к гибели.

Цин Янь сжал кулаки. Он ни за что не допустит, чтобы они с Цю Хэнянем оказались в том же положении. Судьба не всегда неизбежна, и то, что должно случиться, не обязательно произойдет.

Он вылил воду, вымыл таз, набрал новую горячую воду и вернулся. Таз тут же подхватил мужчина, ошпыливавший курицу, благодарно кивнув ему.

- Цин Янь!

Это его звала тетя Ли, прося помочь с кипячением воды для бланшировки овощей. Цин Янь отозвался и поспешил к ней.

Когда почти вся работа была завершена, Цю Хэнянь подошел, чтобы позвать Цин Яня домой переодеться. Праздничный обед вот-вот должен был начаться, и в таком случае приходиться в рабочей одежде было бы неподобающим.

Сам Цю Хэнянь все утро помогал в зале для торжества. В деревне было немного людей, умеющих писать, а уж с красивым почерком и вовсе только он да господин Чжан, который был занят в школе. Так что вся работа с письменными элементами легла на плечи Цю Хэняня.

Цин Янь в этот момент как раз дочистил батат, а на руках у него еще остались мелкие кусочки кожуры. Улыбнувшись Цю Хэняню, он сказал:

— Сейчас только руки помою, и все.

Цю Хэнянь остался ждать рядом. Когда Цин Янь наклонился к тазу, несколько прядей волос упали ему на лицо и зашевелили нос. Он поморщился и, повернув голову, посмотрел на своего мужа. Не говоря ни слова, Цю Хэнянь понял, в чем дело, и аккуратно убрал выбившиеся пряди, заправив их за ухо Цин Яня.

Цин Янь прищурился и улыбнулся.

Он не заметил, что в этот момент кто-то, небрежно прислонившись к дверному косяку, наблюдал за этой сценой. Тот человек долго и внимательно смотрел то на Цин Яня, то на Цю Хэняня, особенно задержавшись взглядом на шраме на лице Цю Хэняня.

Затем он перевел взгляд на Цин Яня, чье лицо сияло радостной улыбкой и доверием, направленным к своему спутнику. Выражение наблюдателя стало задумчивым, а в глазах мелькнуло сожаление. Этот человек тихо вздохнул, покачал головой и, бесшумно ступая в мягких кожаных сапогах, ушел.

Когда Цин Янь вытирал руки, Цю Хэнянь мельком взглянул на место, где только что стоял этот человек. Его взгляд помрачнел.

...

Несмотря на слова о смене на более нарядную одежду, костюм был выбран скорее опрятный, чем роскошный. На праздничный обед собрались в основном местные жители, живущие бедно, так что главное — быть чисто и прилично одетым.

Цю Хэнянь сменил только верхнее одеяние. А вот Цин Янь, чья работа на кухне оставила следы на всем наряде, переоделся полностью.

В спешке он торопливо натягивал одежду, когда к его ногам с мягким мурлыканьем подбежала кошка А-Мяо. Она терлась о его ноги, не давая ему свободно двигаться. Цин Янь боялся ненароком наступить на нее и поэтому стоял на месте, путаясь в ремешках одежды.

В этот момент пара крупных рук протянулась к нему, заменив его в этом деле. Цю Хэнянь за несколько мгновений застегнул завязки внутреннего халата, а затем помог натянуть верхнее одеяние, заботливо подавая рукава, чтобы Цин Янь мог удобно их надеть.

После того как одежда была на месте, Цин Янь взглянул в зеркало и быстро поправил волосы. Закончив, он отряхнул полы халата и с улыбкой сказал:

— Все, я готов. Пойдем.

Цин Янь, произнеся последние слова, повернулся к двери, чтобы выйти, но не успел сделать и шага, как крепкая рука мужчины схватила его за запястье. Он не успел даже удивиться, как его резко притянули обратно, и он оказался в горячих и твердых объятиях Цю Хэняня.

Цю Хэнянь, глядя на него сверху вниз, молчал. Цин Янь, хотя и был слегка удивлен, наслаждался этим моментом близости. Он поднял голову и посмотрел на мужа с легкой улыбкой.

— Я красивый? — спросил он, заметив взгляд, задержавшийся на его лице.

Цю Хэнянь кивнул и коротко ответил:

— Угу.

Цин Янь обнажил белоснежные зубы в широкой улыбке. Цю Хэнянь не устоял и, опустив голову, поцеловал его улыбающиеся губы.

...

Переодевшись в доме, супруги отправились обратно в дом старосты. Через какое-то время сам староста и его супруг вывели в празднично украшенный зал виновницу торжества — пожилую женщину в новой, яркой одежде. Она села на почетное место, сияя от радости и принимая

поздравления и подарки.

Цин Янь подготовил к празднику большой символический персик долголетия, сделанный своими руками. Первыми поклонились юбилярше члены ее семьи, затем подошли старейшины деревни, и только потом поздравлять стали остальные жители.

Цин Янь и Цю Хэнянь ждали своей очереди, наблюдая за потоком гостей.

Несмотря на то, что семья старосты жила неплохо, подарки были в основном простыми: персики, парные надписи, картины, серебряные украшения. Но как только ведущий объявил: «Господин Ян из магазина «Ткани из Мулинского уезда» преподносит пару нефритовых жезлов Жуйи», зал затих, а гости вытянули шеи, чтобы лучше разглядеть происходящее.

Жезлы сияли изумрудным светом, прозрачные и гладкие, они явно стоили огромных денег.

Пока все восхищенно разглядывали подарок, из толпы вышел Ян Хуай. Его ослепительная внешность и изящные манеры привлекли внимание всей аудитории. Поклонившись, он громко и четко произнес:

— Поздравляю вас с восьмидесятилетием, уважаемая прабабушка! Желаю вам долголетия, как у сосны и журавля, и вечной молодости!

Гости, особенно молодые девушки, геры и даже некоторые замужние женщины, смотрели на него с нескрываемым восхищением. Многие из них порозовели от смущения.

Староста, польщенный и гордый таким гостем, пригласил Ян Хуая занять почетное место рядом с ним.

Цин Янь услышал, как кто-то за его спиной тихо заметил:

— Эти жезлы, наверное, стоят десятки лян серебра!

— Какие десятки? — отозвалась женщина. — Это минимум три-четыреста лян!

— Вот это да, — воскликнул мужчина. — Богаче, чем многие лавочники в городе!

Цин Янь обернулся на голоса и увидел, что это Лю Юфу с женой Чжан Цзюй, которые вытянули шеи и смотрели на Ян Хуая с нескрываемой завистью. Рядом с ними стоял Лю Сян, слегка поправившийся и выглядевший куда более округлым. Он прикрывал лицо платком, но его горящие глаза, устремленные на Ян Хуая, говорили о его восхищении.

Цин Янь машинально посмотрел в другую сторону, туда, где стояли остальные члены семьи Лю. Жена Лю Фа, сжав зубы, смотрела на родственников ее мужа с таким гневом, что ее глаза налились слезами. Рядом Лю Фа что-то шептал ей на ухо, видимо, стараясь ее успокоить.

<http://bllate.org/book/13590/1205232>